

мосферную циркуляцию процесса теплообмена атмосферы с подстилающей поверхностью и солнечной радиацией.

Источники и литература

1. Клімат України./ Під ред. В.М.Ліпінського, В.А.Дячука, В.М.Бабіченко. Київ.: Видавництво Раєвського. – 2003 р. – 343 с.
2. Зверев А.С. Синоптическая метеорология. – Л.: “Гидрометеорологическое издательство”, 1968 г. – 773с.
3. Монин А.С., Шишков Ю.А. Циркуляционные механизмы колебаний климата атмосферы//Физика атмосферы и океана – 2000 . – №1, т 36, – С. 27
4. Кендал М. Дж., Стьюарт А. Многомерный статистический анализ и временные ряды. /Пер. с английского Э.Л. Пресмана, В.И. Ротаря, под редакцией А.Н. Колмогорова, Ю.В. Прохорова. М.: «Наука» Главная редакция физико-математической литературы. – 1976 г., – 736 с.

Швец А.Б., Беднарский И.Г., Яковлев А.Н.

ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ В КРЫМУ

*Тот, кто знает свою географию,
тот понимает свою политику
(Н. Бонапарт).*

В государствах, возникших на постсоветском пространстве, очень медленно формируется традиция осмысления результатов дезорганизации общества, вызванной сломом общественных ценностей. Дезорганизация общества - неоднозначный по причинам и следствиям процесс. В политологии и философии её нередко трактуют как абсолютное зло, что отражает лишь часть содержания этого феномена. Если рассмотреть социальную дезорганизацию как динамику исторических контекстов, в которых живут миллионы людей, имеющих различные интересы и способы их защиты, то станет очевидным закономерный характер появления дезорганизации в период смены ценностных ориентиров общества.

Одной из форм проявления дезорганизации общества можно считать *социокультурные конфликты*. Это типологически цельная совокупность конфликтов, которые затрагивают интересы всех общественных групп, поскольку они связаны с необходимостью постоянного выбора людьми собственной позиции в дуальной связке идентичностей «свой» - «чужой». В социокультурных конфликтах затруднен поиск причин столкновения противоборствующих сторон. В них трудно классифицировать противоборствующие стороны как «положительные» или «отрицательные». Любая из конфликтующих сторон защищает «свою» систему ценностей. Такие конфликты, с одной стороны, снижают «способность общества к выживанию», а с другой - поддерживают в нем тонус поиска конструктивного разрешения противоречий.

По мнению философа А. С. Ахиезера, в зависимости от логики разрешения конфликтов их можно подразделить на консенсусные (согласительные) и раскольные с максимальным дистанцированием конфликтующих сторон [1].

Социокультурная конфликтность – явление инвариантное общественно-историческим процессам. Она составляет их своеобразный фон и построена на основе дуальности компонентов культуры. Иными словами, социокультурная конфликтность обусловлена вечным противостоянием доброго и злого начал в различных проявлениях человеческой деятельности на уровне индивида или государства как выразителя коллективной воли отдельных членов общества. А Добро и Зло есть ключевые категории культуры любого этноса.

Своеобразие феномена социокультурной конфликтности – в её многоаспектном характере. Это подтверждается тем, что социокультурную конфликтность активно исследуют социологи, психологи, политологи, философы. Трудно пока отыскать географический след в исследовательском поле проблем социокультурной конфликтности. Однако те, кто в среде географов занят геополитическими или страноведческими исследованиями, порой позволяют конфликтологической теме зазвучать в своих работах в качестве самостоятельного элемента [2,3,4].

Географическое исследование социокультурной конфликтности, как впрочем и политологическое, может проводиться наиболее плодотворно при выявлении территориальной специфики развития таких её разновидностей, как *этническая* и *конфессиональная* конфликтность. Эти виды конфликтности универсально отражают содержание современного этапа дезорганизации общества, конфликтующего чаще всего по причинам несовместимости этнических и конфессиональных идентичностей. Особая разновидность социокультурной конфликтности - *социально-экономическая*. Известно, что развитие любого общества во многом обусловлено его способностью разрешить проблему собственности. Собственность и варианты овладения ею образуют в постсоветском обществе благодатную почву для развития социально-экономической конфликтности. Особое звучание этот тезис получает в условиях системного кризиса, который в настоящее время переживает Украина, и который в полиэтничном государстве чреват девальвацией национальных ценностей и ксенофобией.

Целью работы явилось исследование современной динамики процесса социокультурной конфликтности в Крыму в этноконфессиональном и социально-экономическом аспектах для выявления территориальной специфики развития этого общественного феномена в условиях полиэтничного региона.

Географическое положение Крыма на цивилизационном рубеже между христианским и мусульманским мирами во многом объясняет специфику проявлений социокультурной конфликтности в этом регио-

не. Фактор цивилизационной рубежности Крыма обуславливает неизбежность возникновения здесь различий в ценностных ориентациях его этносов, имеющих разный исторический опыт государственных отношений и традиций. Эта непохожесть этнических, конфессиональных и политических идентичностей в Крыму зачастую игнорируется некоторыми исследователями, предполагающими имманентную предопределенность любых общественных процессов на полуострове только стремлением к сепаратизму. Такое сужение проблемы не подтверждается исследованиями современной динамики социокультурной конфликтности в крымском регионе.

Среди региональных факторов возникновения социокультурной конфликтности в Крыму выделим наиболее значимые.

Репатриация ранее депортированных из Крыма народов – один из наиболее серьезных факторов, определяющих остроту и резонансность проявления на полуострове этнических, конфессиональных и социально-экономических вариантов социокультурной конфликтности. Возвращение и обустройство крымских армян, болгар, греков, немцев и крымских татар на свою историческую родину, в силу отсутствия в Украине необходимой законодательной базы, несбалансированности программы приёма репатриантов, расселения и наделения их необходимыми условиями жизнеобеспечения, сложной социально-экономической ситуации периода становления молодого украинского государства привели к усложнению процесса адаптации репатриантов в новой социально-экономической и этноконфессиональной среде. Адаптационный процесс усложнялся противоречиями и неспособностью «старых и молодых» этнических, конфессиональных, бюрократических и политических элит Крыма идти на договорные компромиссы, желанием элит различными способами сохранить «свой» властный ресурс.

Несбалансированная на государственном уровне репатриация и амбициозность крымских элит послужили серьёзной причинной возникновения на полуострове устойчивого поля межэтнического напряжения, выражающегося в появлении этноконфессиональных и социально-экономических конфликтных ситуаций преимущественно между двумя наиболее многочисленными и влиятельными культурно-историческими группами населения Крыма: славяно-православной и тюрко-мусульманской.

За относительно непродолжительный пятнадцатилетний период, прошедший от начала репатриации, этноконфессиональное противостояние в Крыму постоянно прогрессировало и преобразовывалось в качественном (более жесткие и новые формы) и количественном (большой объём зафиксированных конфликтных ситуаций и конфликтов) отношениях.

В подтверждение вышеизложенного авторы приводят результаты мониторинга конфликтных ситуаций и конфликтов, имевших место в Крыму с января 2000 г. по декабрь 2005 г. Авторы сознательно выделяют категории «конфликтная ситуация» и «конфликт» как самостоятельные. Любой конфликт проходит несколько стадий. Обычно конфликту предшествует конфликтная ситуация, то есть объективная жизненная ситуация, в которой находятся противоборствующие стороны со своими конкретными интересами и ценностными установками [5, с.180–18].

Авторский подход к мониторингу социокультурной конфликтности в Крыму состоял в фиксации всех конфликтных ситуаций и конфликтов, имевших резонанс в информационном поле Крыма и Украины, а также способных вызвать цепную реакцию конфликтности латентного или «горячего» характера на полуострове.

Поле современной социокультурной конфликтности формируется в Крыму в большинстве случаев классически, то есть любой конфликт проходит на полуострове общепризнанные стадии развития: обычно конфликту предшествует конфликтная ситуация, имеющая различную природу и степень резонансности в официальных структурах и средствах массовой информации, на базе неурегулированной конфликтной ситуации возможно появление либо «горячего» (нетипичен для Крыма), либо *латентного* (основная масса) конфликтов, которые могут вступить в стадию эскалации, в случае игнорирования их со стороны властной элиты полуострова.

В постсоветском Крыму конфликтные ситуации и конфликты имеют в большинстве случаев либо *этноконфессиональную*, либо *социально-экономическую* природу.

Этническая напряженность на полуострове впервые после развала Советского Союза проявила себя в 1991-1995 гг. [6]. Её возникновение было обусловлено двумя факторами: непростыми отношениями между русскими и украинцами Крыма, обретавшими новую этническую и политическую титульность в суверенной Украине, а также общей настороженностью славянского населения полуострова в отношении процесса возвращения крымских татар, грозившего серьезным изменением демографической структуры Крыма, в которой традиционно доминировали русские.

Первые признаки обострения *конфессиональных* контактов в Крыму появились, по мнению некоторых крымских аналитиков, после 1995 г. [7, 8]. В основе этого обострения – политизация конфессиональных систем в двух ведущих религиозных общинах автономии: православной и мусульманской.

Стержнем *социально-экономических* конфликтов, имеющих на полуострове этническую окраску, стала ситуация с возможностью свободного приобретения земельных участков в личное пользование. В Украине этот процесс начался в середине 90-х годов задолго до окончания массового возвращения депортированных народов в Крым. В среде крымских татар возникло недовольство по поводу трудностей в приобретении земельных участков на распаеванных землях бывших колхозов и совхозов. Проявилась проблема возврата так называемых вакуфных земель, которые в прошлом находились в ведении мусульманских священнослужителей.

По мнению некоторых крымских аналитиков, «земельная проблема» современного Крыма выглядит статистически курьезно. По данным Рескомзема автономии на 2004 г., депортированным народам было

выделено с начала массовой репатриации 17% всех земельных участков, используемых под жилищное строительство. Конечно, это небольшой показатель наделенности землей татар Крыма. Но сравним его с иным показателем - уровнем обеспеченности крымскотатарских семей земельными участками. В 2004 г. крымскотатарские семьи были обеспечены земельными участками на 114,25%, а все семьи иных национальностей лишь на 50,24% [9].

В условиях отсутствия в Крыму четко организованной системы контроля за уже выделенными земельными участками большая их часть используется представителями различных национальностей с целью перепродажи на вторичном рынке земли. Это свидетельствует о том, что решение земельной проблемы в Крыму не должно ограничиваться лишь необходимостью справедливого наделения земельными участками репатриантов. Это проблема обделенности земельными ресурсами всех крымчан в условиях существования стихийно-криминального рынка земли на Крымском полуострове.

Проанализировав этнические, конфессиональные и социально-экономические проявления конфликтности в Крыму, авторы отразили их географическую специфику в картосхемах с годичной хронологической последовательностью, начиная с 2000 и заканчивая 2005 годом. Выявленные результаты систематизированы в итоговой картосхеме, обобщающей этноконфессиональный и социально-экономический аспекты социокультурной конфликтности в современном Крыму.

Шестилетие, которое анализируется в работе, авторы условно разделили на ряд временных промежутков по степени проявления в них социокультурной конфликтности: *период с низкой степенью проявления социокультурной конфликтности* (зафиксировано от 1 до 10 проявлений конфликтности в различных регионах Крыма, этот период датируется с 1992 до 2000 г. включительно), *период со средней степенью проявления социокультурной конфликтности* (зафиксировано от 11 до 20 проявлений социокультурной конфликтности, этот период начинается в 2001 г. и условно завершается в 2003г.) *период перехода к высокой степени проявления социокультурной конфликтности* (зафиксировано более 20 проявлений социокультурной конфликтности, этот период начинается в 2004 г.).

Картосхема «Динамика проявлений социокультурной конфликтности в Крыму. 2000 год» (см. рис.1) отображает 15 зафиксированных официальными источниками и средствами массовой информации проявлений конфликтности на полуострове. В 2000 г. варианты социокультурной конфликтности в Крыму характеризуются относительно равномерным распределением по территории полуострова. Явно преобладают социально-экономические конфликты – их 8 из зафиксированных 15, соответственно этноконфессиональных (а точнее, *межэтноконфессиональных*, поскольку отмечено столкновение интересов представителей двух различных конфессий – ислама и православия) – 7.

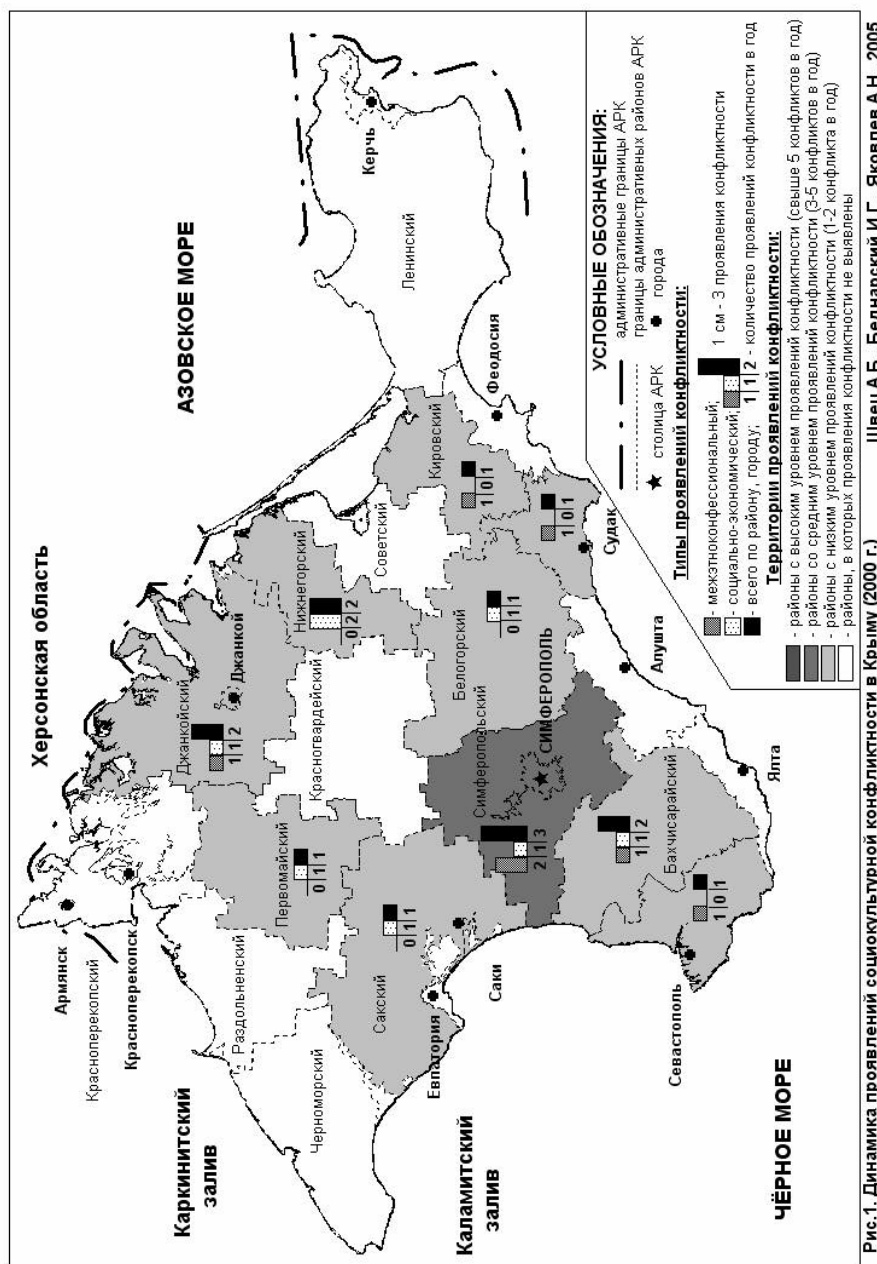
Основной массив социально-экономических конфликтов 2000-го года приурочен к северным, а также центральным районам автономии. Именно сюда, на территорию Джанкойского, Краснопереконского, Красногвардейского районов, с конца 80-х годов направлялись и территориально рассредотачивались основные потоки репатриантов, особенно из числа крымских татар, которые к 2000 г. накопили опыт конфронтационного поведения при штурме Верховного Совета Крыма в 1992 г., криминальных разборках 1995 г. в Феодосии, акциях блокирования железнодорожных путей и автострэд в Симферопольском и других районах Крыма в 1998 г. Этот опыт, а также постоянно увеличивающаяся численность репатриантов, натолкнувшись на несовершенство украинского законодательства, допустившее изменение форм собственности на землю задолго до массового возвращения на полуостров крымских татар, позволили им начать решение наиболее острой на тот период проблемы – перепаевания бывших государственных и колхозных земель – конфронтационным способом.

Основными *формами организации* конфликтности в 2000 году являлись разнообразные акции гражданского неповиновения: пикеты, несанкционированные митинги и палаточные городки, перекрытия железно дорожных путей. В отдельных случаях блокировалась работа государственных учреждений. Так в марте 2000 г. была заблокирована работа Урожайновского сельсовета в Симферопольском районе с нанесением ущерба зданию сельсовета, в ноябре этого же года группой крымскотатарских активистов захвачено здание районной государственной администрации в г. Джанкой с нанесением ущерба зданию и осквернением флага АРК, в этом же месяце зафиксирован захват помещения районного суда в г. Бахчисарай, в ходе которого травмирован сотрудник правоохранительных органов.

Подавляющая часть конфликтов, возникших в 2000 г. на межэтноконфессиональной почве, локализована в районах центральной и южной части полуострова. Своим появлением они обязаны серии конфликтных действий, совершенных членами мусульманской и православной общин Крыма, сформировавших феномен «крестоповала». Одним из первых и наиболее резонансным стал крестоповал в с. Морское Судакского горсовета, зафиксированный в октябре 2000 г. В этом же месяце последовал крестоповал на территории Севастопольского горсовета, через месяц – в пгт. Кировское и с. Мазанка Симферопольского района.

Самой конфликтной территорией в 2000 г. стал Симферопольский район, который с показателем 3 зафиксированных проявления конфликтности был отнесен авторами к районам со средней степенью проявления социокультурной конфликтности. Заметим, что для исследования ежегодных проявлений социокультурной конфликтности, авторы применили более дробное ранжирование количества конфликтных ситуаций и конфликтов, по сравнению с тем, что было использовано для выделения хронологических периодов развития социокультурной конфликтности в целом для автономии.

В 2001 г. на территории Крыма было зафиксировано 13 проявлений социокультурной конфликтности, 10 из которых были отнесены к группе межэтноконфессиональных (см. рис.2). По сравнению с 2000 г., в северной части Крыма более активно проявилась тенденция смещения конфликтности к центрально-западным и центрально-восточным районам полуострова.

На этом перемещении, очевидно, сказались два фактора: во-первых, к 2001 г., по данным Всеукраинской переписи населения, в шесть раз, по сравнению с 1997 г., уменьшился поток возвращающихся в Крым репатриантов, составив 1,3 тыс. человек, а во-вторых, наметилась пространственная неравномерность роста крымскотатарского населения. Как свидетельствуют данные Республиканского комитета по делам национальностей и депортированных граждан за период с 1997 по 2001 годы рост численности репатриантов крымскотатарской национальности произошел во всех городах и районах автономии. Однако темпы этого роста были гораздо выше в городах, чем сельской местности Крыма. Если темпы прироста крымскотатарского населения в городах Крыма составляли в течение указанных пяти лет от 3,0% в Керчи до 14,6% в Симферополе, то в административных районах Крыма, за исключением Судакского, они варьировали от 2,0–2,5% в Бахчисарайском и Нижнегорском районах до 0,2–0,4% в Первомайском и Черноморском районах.

Эти пространственно-демографические изменения в жизни крымских татар свидетельствуют о том, что в их среде произошло «некоторое расслоение» [10, С.34]. Часть репатриантов сумела преодолеть трудности возвращения и укоренилась в местах первичного поселения в Крыму, а другая часть так и не смогла адаптироваться к условиям жизни и трудовой деятельности в предложенных или выбранных самостоятельно населенных пунктах. Для улучшения своего положения в финансовом, имущественном, профессиональном плане эта часть репатриантов «стала проявлять мобильность и стремление к миграции внутри полуострова».

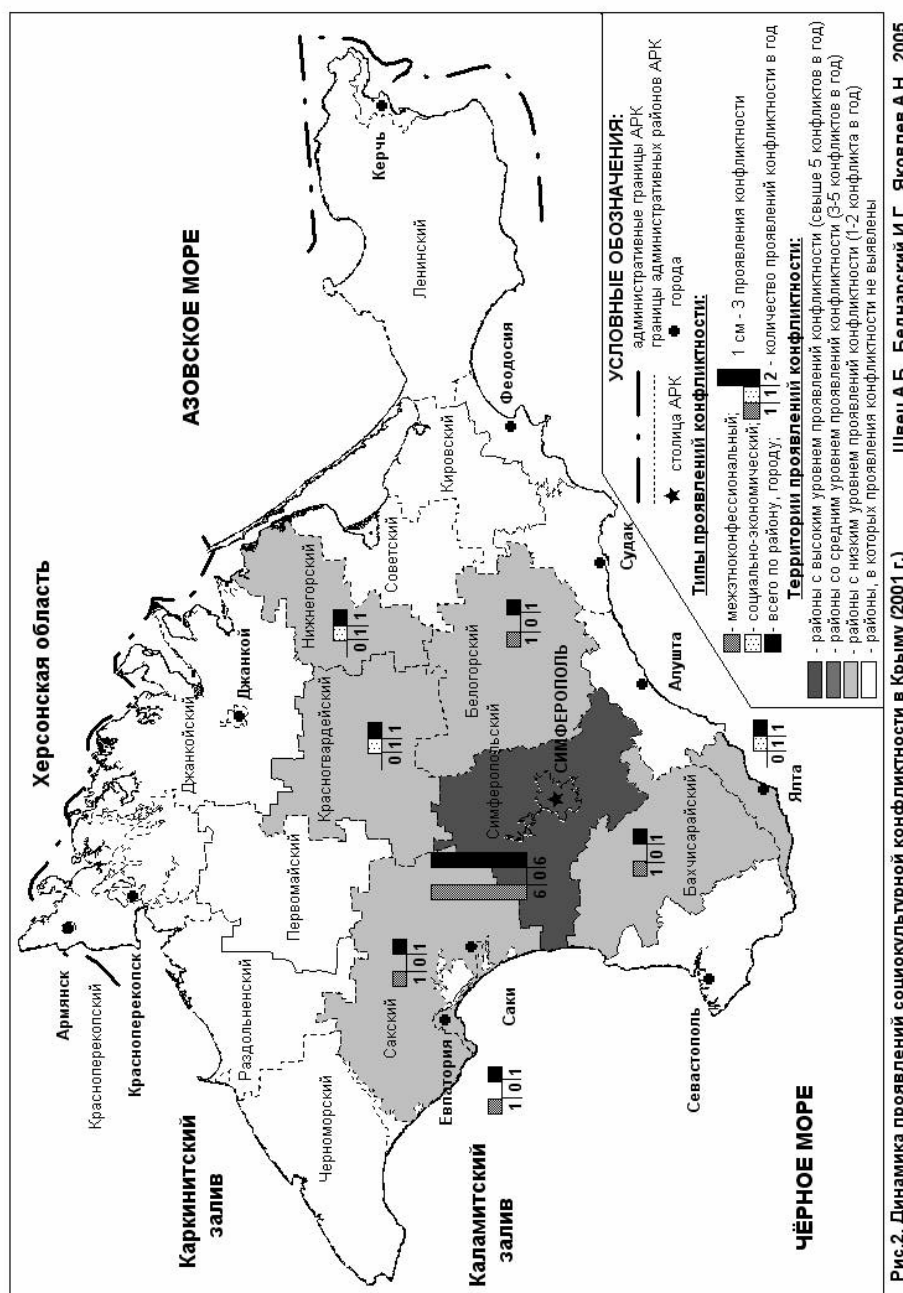

Рис.2. Динамика проявлений социокультурной конфликтности в Крыму (2001 г.)

Межрайонная миграция крымских татар формировалась избирательно. В своих перемещениях они стали выбирать те районы и города полуострова, где имелись преимущества в уровне жизни населения и разнообразие в способах ведения бизнеса. Активное участие репатриантов в конкуренции за землю, места на рынках, в бизнесе, престижных видах трудовой деятельности не могло не сказаться на поведении и реакциях крымского населения иных национальностей в тех районах, куда устремлялись внутрикрымские мигранты. Это подтверждается появлением в 2001 г. первых резонансных актов вандализма над памятниками крымскотатарской истории и культуры. В августе 2001 г. в Симферополе были осквернены памятник жертвам депортации крымскотатарского народа, а также памятный знак герою Великой Отечественной войны Амет Хану Султану, в этот же период акт вандализма был осуществлен над памятником крымскотатарскому литератору Чобан Заде в Белогорске.

В 2001 г., подобно предыдущему, наиболее конфликтными остаются центральные районы полуострова. По-прежнему лидирует Симферопольский район, который с показателем 6 зафиксированных случаев межэтноконфессиональных проявлений конфликтности отмечен авторами как зона с высокой степенью проявления социокультурной конфликтности. Заметим, что наряду с традиционными требованиями мусульманских общин Крыма об ограничении тиражирования на полуострове православной символики, в 2001 г. появились первые попытки активной защиты и возврата под конфессиональный патронат мусульманских святынь.

В июле 2001 г. произошло столкновение мусульманского населения г. Бахчисарая с органами право-

порядка в Свято-Успенском монастыре и Зынджырлы медресе при попытке мусульман пройти через территорию православного монастыря к мусульманскому захоронению «Газы Мансура» с целью его ревизии и восстановления. Через месяц в Евпатории возникла конфликтная ситуация между мусульманской общиной и городскими властями решившими выставить на продажу коммерческим структурам территорию, где некогда существовало мусульманское кладбище, оскверненное к тому времени действующими туалетами. Аналогичную ситуацию с бывшим мусульманским кладбищем создали поселковые власти Гаспры, приняв решение о строительстве дороги через территорию этого значимого для мусульманской общины объекта. Резонансным и до сих пор не урегулированным межэтноконфессиональным проявлением конфликтности, впервые проявившемся в октябре 2001 г., остается проблема возврата в собственность мусульманской общины Симферополя земли вокруг азиза «Салгир Баба».

Большая часть социально-экономических проявлений конфликтности 2001 г. по-прежнему сосредотачивалась в степных районах Крыма, где, по аналогии с предыдущим годом, причиной их возникновения оставалась проблема перепаивания земель.

На картосхеме «Динамика социокультурной конфликтности в Крыму. 2002 г.» отображено 7 зафиксированных проявлений этого феномена (см. рис.3). По количественному показателю конфликтности 2002 г. резко уступает остальным рассмотренным авторами периодам. Однако именно этот год во многом является показательным. Особенностью 2002 г. можно считать его маргинальный характер. Этот год стал своеобразным пограничьем между постепенным сдвигом конфликтности из северных районов полуострова в центр и окончательным закреплением подавляющего числа конфликтных ситуаций в центральных (Симферопольский, Бахчисарайский, периодически Белогорский) и южнобережных (Ялтинский, Алуштинский, Судакский, а с 2004 г. и Феодосийский регионы.). 2002 год стал началом отсчета в появлении такой формы организации конфликтов из категории социально-экономических, как самозахваты (другой вариант этого термина, распространённый в крымскотатарских печатных изданиях, – самовозвраты). Самозахваты земельных участков и культовых объектов получили в 2002 г. и в дальнейшем широкое распространение в прибрежных регионах Крыма. Эти наиболее прибыльные во всех отношениях территории закономерно стали яблоком раздора между представителями крымской власти, разнообразными коммерческими структурами и теми, кто стремился приобрести землю в доходном регионе по праву личной инициативы. Крымские татары оказались наиболее сплоченной этнической группой, готовой перевести личную инициативу в политическую акцию.

2003 г. по количественным характеристикам зафиксированных проявлений конфликтности, стал одним из рекордных. Для этого года нами зафиксировано 23 конфликтных ситуации, в т.ч. 10 социально-экономических и 13 межэтноконфессиональных (см. рис.4). Весь массив отмеченных конфликтных ситуаций, за исключением одной в г. Евпатория, по-прежнему концентрировался в центральных и южнобережных регионах Крыма.

Особенностью 2003 г. можно считать появление конфликтов всех степеней выраженности. На полуострове сформировались территории с высокой, средней и низкой степенью проявления конфликтности. В 2003 г. продолжается распространение самозахватов земли как одной из основных форм проявления социально-экономической конфликтности. Большая часть самозахватов по-прежнему концентрируется на территориях Судакского и Ялтинского горсоветов. Некоторые из самозахватов получают в среде крымских татар наименование «полян протеста». Так случилось на землях совхоза «Гурзуф», где более ста человек крымских татар разбили «полян протеста» с требованиями передачи данного участка земли под строительство этнического поселения.

Заявляют о себе казачьи формирования Крыма. В январе 2003 г. возникает драка между крымскими татарами и членами казачьей общины с. Морское, поводом для которой послужило избиение жителя села из числа славян группой крымских татар. Этим событиям предшествовали параллельные

митинги славянского и крымскотатарского населения поселка, связанные с множеством неурегулированных вопросов земельной собственности.

В поселке Партенит происходит гражданская самоорганизация славянского населения. Здесь в ноябре 2003 г. попытке самозахвата земли крымскими татарами, сопровождавшейся перекрытием автодороги Симферополь – Ялта, впервые организованно и мирно противостоят жители поселка.

В 2003 г. возникает вопрос о выделении земли под строительство соборной мечети в парке «Салгирка» г. Симферополя. Городские власти предлагают иные варианты размещения мечети. ДУМК активно отказывается их принять. Межэтноконфессиональные конфликты возникают и до сих пор не урегулированы в Бахчисарайском районе и поселке Никита Ялтинского горсовета. В с. Голубинка Бахчисарайского района еще в 2002 г. возник конфликт по поводу строительства православного храма на холме Кильсе-Байыр, где некогда располагалось мусульманское кладбище, а в п. Никита членами мусульманской общины было захвачено здание бывшей мечети-медресе.

В 2003 г. авторами отмечено не только разнообразие территорий, отличающихся всеми степенями проявления конфликтности, но и поливариантность форм её проявления. Кроме самозахватов, «полян протеста», митингов, пикетов, перекрытий автомобильных трасс, актов вандализма над памятниками и памятными местами участились случаи захвата помещений государственных учреждений. Особой активностью в последнем случае отличался Бахчисарайский медресис. В 2003 г. появилась новая для Крыма форма межэтнической конфликтности: прямое столкновение между активистами основных сегментов этнического поля Крыма, выраженное в массовых драках и в избииении отдельных лиц на почве межэтнической и межконфессиональной неприязни.

2004 г. оказался для Крыма весьма насыщенным конфликтогенными ситуациями (см. рис.5). Проявле-

ния конфликтности зафиксированы в 9 районах полуострова, составив в сумме 33 случая. Подавляющее большинство из них относится к группе этноконфессиональных – 28 и лишь 5 классифицированы как социально-экономические. Как и в предыдущие два года на полуострове сохраняется тенденция концентрации основного массива проявлений социально-экономической конфликтности в южной и юго-восточной частях. Исключение составляет Бахчисарайский район. Здесь активисты местного межджлиса, отработавшие в предыдущем году способы давления на руководство района, сумели провести акцию захвата территории детского оздоровительного лагеря «Наука» в с.Песчаное для дальнейшего владения этим объектом.

Отметим, что в 2004 г. из перечня территорий, на которых постоянно присутствовал социально-экономический фактор конфликтности, выпали Алуштинский и Судакский горсоветы. Вместе с тем, впервые за анализируемый период в разряд конфликтных регионов попадает Феодосийский горсовет. В июне 2004 г. на уникальной по геоботаническим признакам территории урочища Тихая бухта вблизи поселка Коктебель была разбита «поляна протеста» крымских татар, которые требовали выделения им земли, угрожая началом самовольного строительства в означенном урочище.

Центром сосредоточения социально-экономических конфликтов в 2004 г. остаётся Ялтинский горсовет, где все 3 случая проявления социально-экономической конфликтности представлены самозахватами. Среди ялтинских самозахватов 2004 г. выделяется достаточно резонансный случай в аквапарке поселка Симеиз. Здесь в марте 2004 г. крымские татары, захватившие часть территории парка, оказали физическое сопротивление его работникам, а также избили двух журналистов ведущих телеканалов Украины и России.

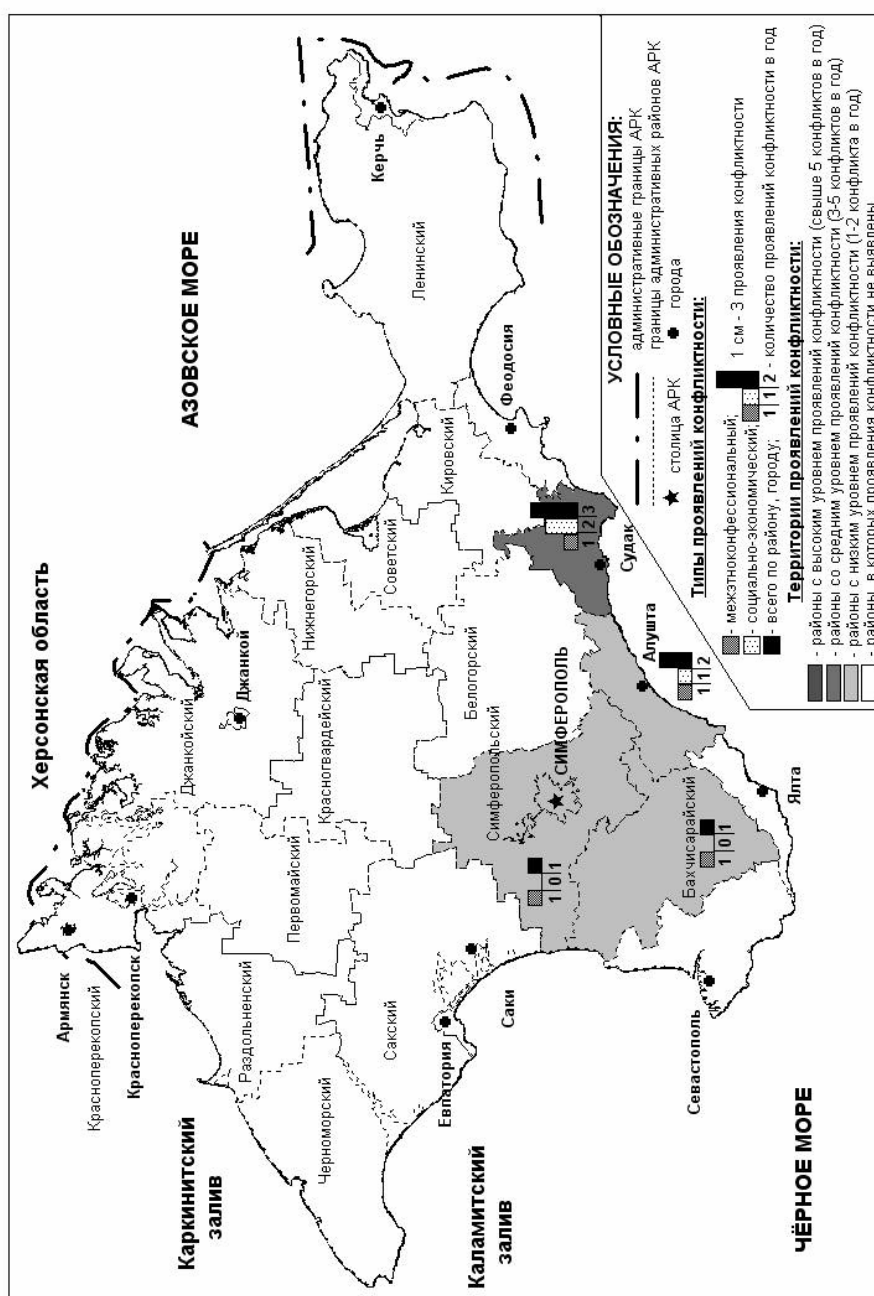

Рис.3. Динамика проявлений социокультурной конфликтности в Крыму (2002 г.) Швец А.Б., Беднарский И.Г., Яковлев А.Н., 2005

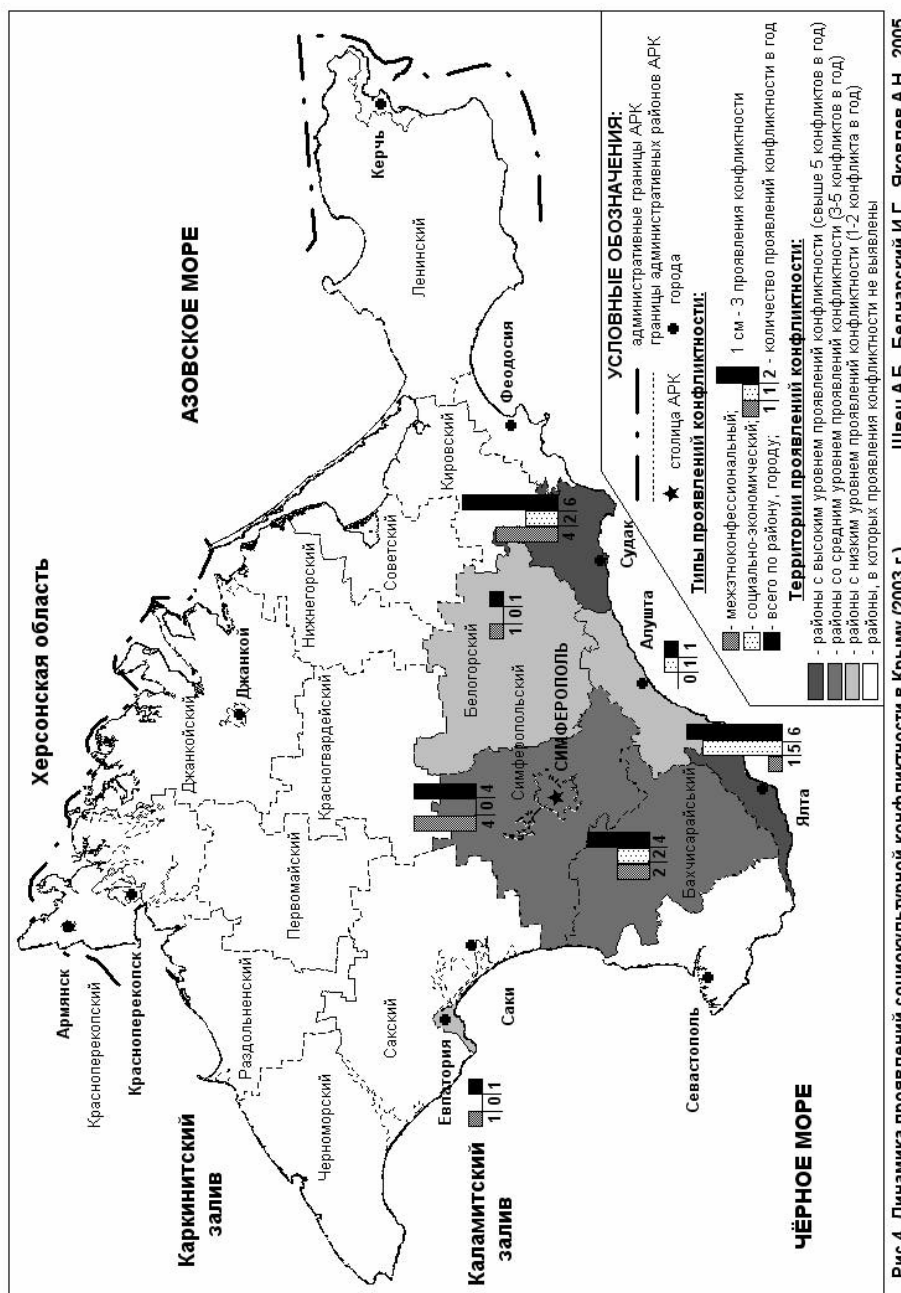

Рис. 4. Динамика проявлений социокультурной конфликтности в Крыму (2003 г.) Швец А.Б., Беднарский И.Г., Яковлев А.Н., 2005

Рекордно высокой конфликтностью отличался в 2004 г. Симферополь. В столице Крыма было зафиксировано 11 конфликтных ситуаций на межэтноконфессиональной почве. Особенно трагичными выглядели события марта 2004 г., получившие наименование «инцидент в баре «Коттон».

Эти резонансные события весны 2004 г. можно рассматривать как оформление на полуострове опасной тенденции в развитии социокультурной конфликтности. Условно эту тенденцию можно обозначить как непримиримо-мстительную, сопровождающуюся действиями конфликтующих сторон по принципу «око за око». Её первые ростки обнаруживались ещё в столкновениях членов казачьей и мусульманской общин с. Морское в 2003 г. Через год в том же Судакском регионе происходит драка между татарским населением и казаками с. Веселое, связанная с избиением группы крымских татар двух жителей этого села, в результате чего один из пострадавших скончался. После драки в с.Веселое последовал митинг крымских татар этого и других населенных пунктов с требованием запрещения в Крыму деятельности казачьих формирований. Во время проведения митинга звучали призывы «умыть казаков кровью», что ещё раз подтверждает наличие непримиримо-мстительной тенденции в позициях конфликтующих сторон, способной преобразовать латентную конфликтность в «горячую».

Межэтноконфессиональные конфликты 2004 г. проявились на территории полуострова с различной интенсивностью практически во всех конфликтогенных регионах за исключением Феодосийского горсовета. Как и в предыдущие годы большинство резонансных проявлений конфликтности было связано с культурными объектами различной конфессиональной принадлежности.

2005 г. имеет все основания считаться на полуострове одним из самых конфликтных за анализируемый отрезок времени.

С января по декабрь 2005 г. на территории Крыма было зафиксировано 42 проявления конфликтности. Среди конфликтов этого года впервые преобладали социально-экономические (19), межэтноконфессиональных было зафиксировано (17). Главной особенностью 2005 г. стало *появление новой разновидности конфликтов*, не связанной с противоборствием между конфессиями или этносами. Проявилась конфликтность внутренняя, обусловленная обострением противоречий преимущественно в крымскотатарской и в меньшей степени славянской среде Крыма. Указанная разновидность конфликтности обозначена авторами как *внутриэтноконфессиональная*. К этой разновидности конфликтов авторы отнесли 6 её проявлений в 2005 г. Внутриэтноконфессиональные конфликты были выявлены на территории Симферопольского, Алуштинского, Судакского регионов и г. Евпатория (см. рис. 6).

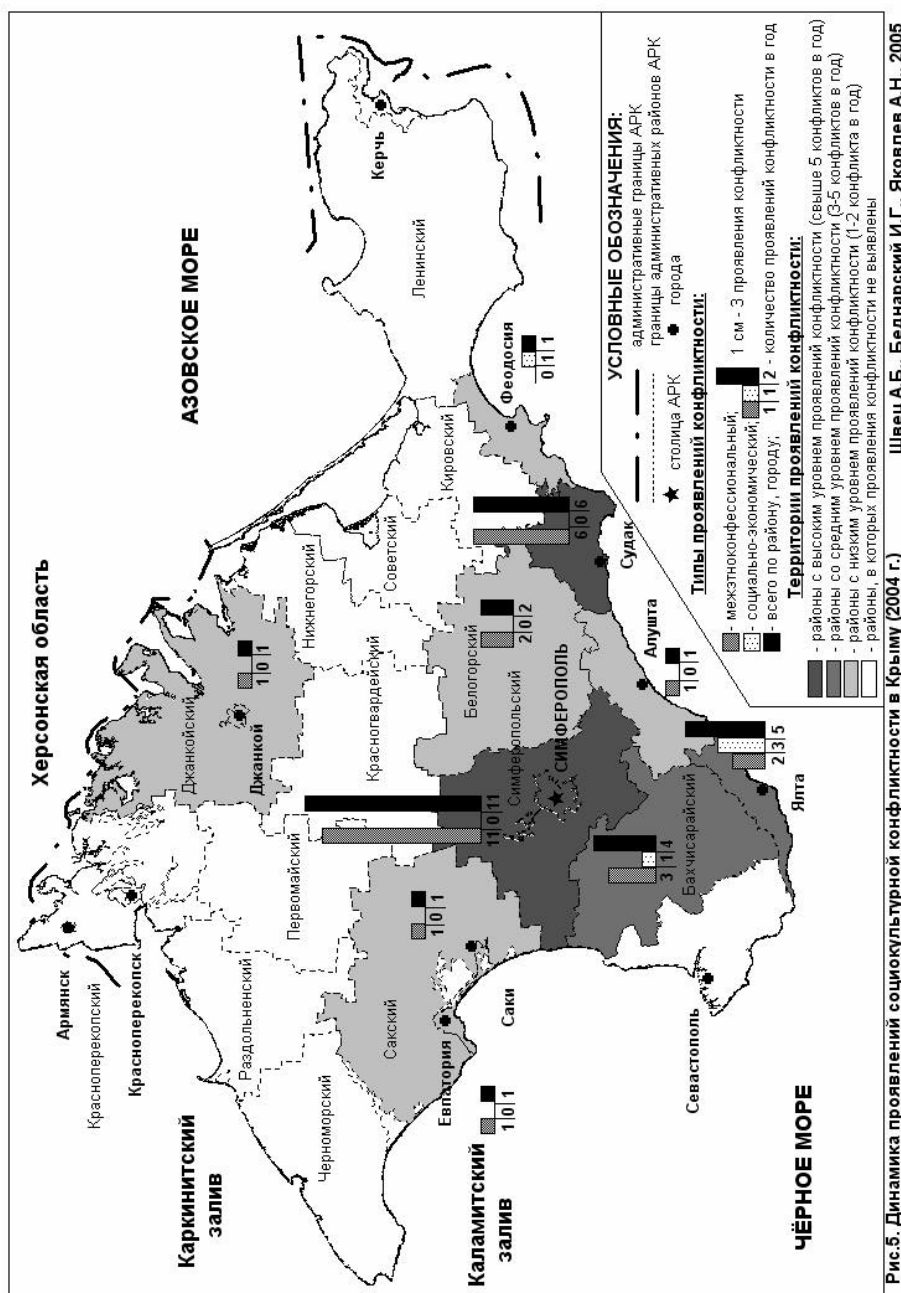

Рис.5. Динамика проявлений социокультурной конфликтности в Крыму (2004 г.)
 Швец А.Б., Беднарский И.Г., Яковлев А.Н., 2005

Причиной появления данного вида конфликтности можно считать тенденцию радикализации ислама в Крыму, которая наметилась ещё в конце 90-х годов, получив освещение не только в крымских и украинских, но и зарубежных средствах массовой информации. Именно в это время под влиянием гуманитарной и миссионерской деятельности Турции и ряда арабских государств, которые действуют в Крыму через такие фонды и организации, как «Арраид», «Бирлик», «Зам-Зам», «Ас-Сунна», «Крым-2000», всё больше крымских мусульман стало выходить из-под идеологического и духовного влияния Меджлиса и ДУМК. В Крыму очень быстро стала расти сеть независимых (автономных) от ДУМК мусульманских общин. Если в 2001 г. таких общин насчитывалось 16, то, по сведениям Комитета по делам религий при Совмине АРК, на

1 января 2005 г. количество автономных общин уже достигало 31, что составляет 9% от общей численности мусульманских общин Крыма.

Автономные общины Крыма возглавили молодые имамы (мусульманские священнослужители), получившие религиозное образование в шести крымских медресе в основном от турецких педагогов-воспитателей, представлявших малоизученные в Крыму неправительственные общественные организации и благотворительные фонды Турции. Религиозное обучение учащихся велось по школе имама Ханифи суннитского толка. Однако учебный процесс и идеологическая составляющая обучения были тщательно завуалированы турецкими миссионерами и оставались вне контроля ДУМК, который был главным инициатором их приглашения в Крым.

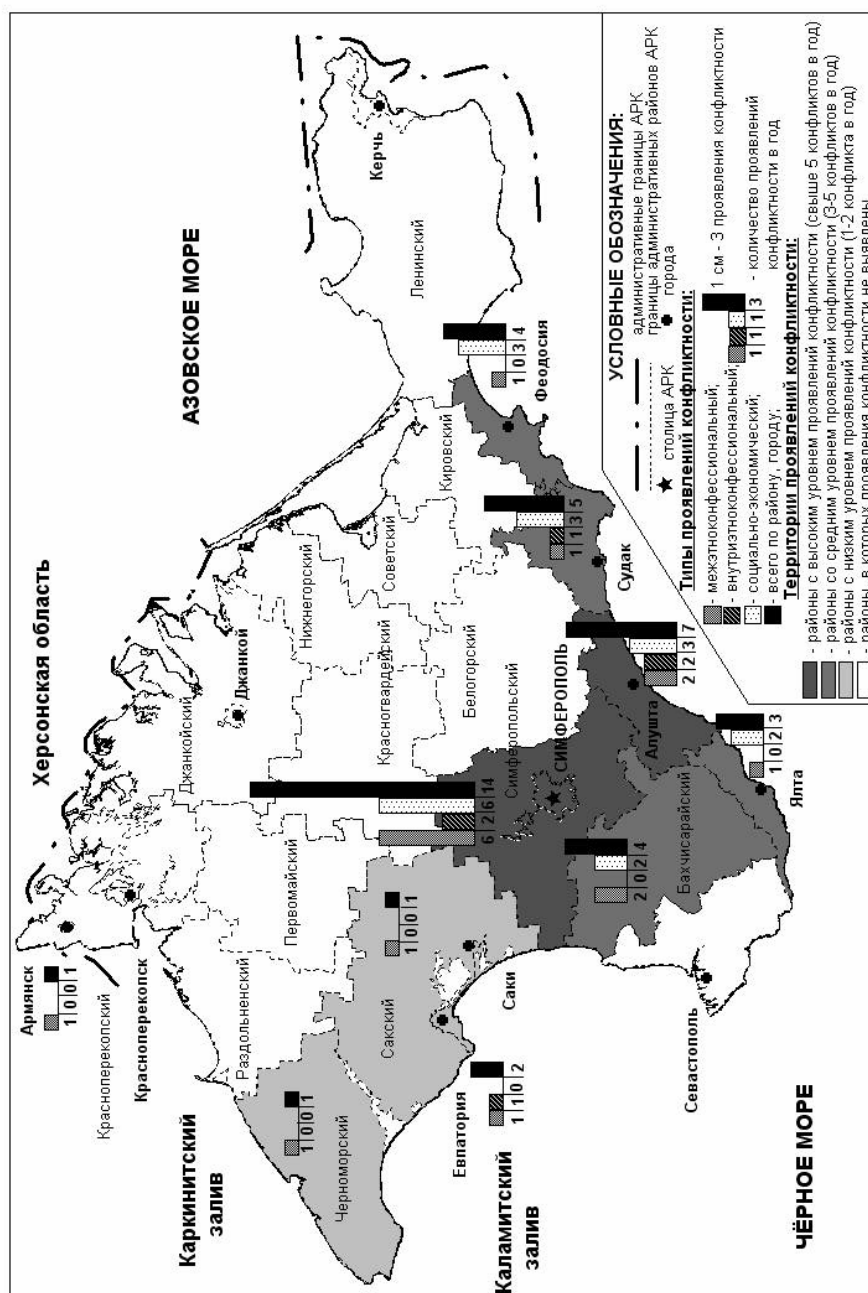

Рис.6. Динамика проявлений социокультурной конфликтности в Крыму (2005 г.) Швец А.Б., Беднарский И.Г., Яковлев А.Н., 2005

Ясно, что приоритетность миссионерского способа обучения исламу крымской мусульманской молодежи – это серьезный просчет ДУМК. Его результатом стало увеличение приверженцев нетрадиционного для крымских татар «чистого» или радикального ислама, носители которого чаще всего ассоциируются аналитиками с членами незарегистрированной в Крыму партии «Хизб-ут-Тахрир» («Исламская партия освобождения»).

Выступая 3 августа 2005 г. в прямом эфире ГТРК «Крым», Муфтий мусульман Крыма Аджи - Эмирали Аблаев заявил: «...все выпускники шести крымских медресе, назначенные имамами в различных мечетях Крыма, оказались членами партии «Хизб-ут-Тахрир».

Деятельность этой религиозно-политической организации запрещена в большинстве стран Ближнего

Востока, Центральной Азии, Германии, России, Узбекистане и др. Госдепартамент США характеризует эту партию как «транснациональную экстремистскую организацию, стремящуюся сбросить правительства Центральной Азии». Любой государственный строй, которой не основан на принципах ислама, «Хизб-ут-Тахрир» считает неверным и греховным. По этой причине члены организации не принимают участия в делах государства, в том числе игнорируют выборы. Конечной целью партии является создание теократического исламского государства – Всемирного Халифата.

Деятельность «Хизб-ут-Тахрир» в Крыму спровоцировала своеобразный конфликт поколений в мусульманской общине автономии. Уровень религиозной образованности «младотурецких» имамов Крыма оказался более высоким, чем у основной массы престарелых служителей мусульманского культа, не получивших системного религиозного образования, но исповедующих традиционный для крымских татар ханифитский или мягкий, светский толк ислама. По данным ДУМК на 2005 г., в общей численности имамов, находящихся в его каноническом подчинении (366 чел.), не получили системного образования, то есть остались, по сути, самоучками, 207 человек или 56,6% кадрового состава мусульманских священнослужителей. Проповеди молодых имамов в мечетях, их образ жизни оказались более привлекательными для местного мусульманского населения, особенно молодежи. ДУМК ощутило реальную потерю влияния в мусульманской общине полуострова, отреагировав на это резкими действиями в кадровом вопросе.

В 2004 г. Муфтият Крыма берет курс на увольнение молодых имамов, подготавливаемых в принадлежности к религиозно-политической партии «Хизб-ут-Тахрир». Однако это решение оказалось запоздалым. Молодые священнослужители, завоевав достаточный авторитет в своих общинах, получили выход на широкую мусульманскую аудиторию, достигнув в отдельных регионах Крыма уровня районных имамов. По этой причине меры, предпринятые Муфтиятом в отношении «младотурков», вызвали недовольство местных мусульман.

Не исключено, что силовые попытки Муфтията противодействовать распространению радикального ислама в Крыму могут и в дальнейшем провоцировать расширительную регистрацию автономных мусульманских общин на полуострове. Это, по мнению крымских аналитиков, приведет к правовым конфликтам между автономными мусульманскими общинами и ДУМК в вопросах права собственности на культовые здания, земельные участки, выделяемые под строительство мечетей, сузит контроль ДУМК над такими важными аспектами жизни автономных мусульманских общин, как взаимодействие с зарубежными религиозными центрами, каноническая деятельность, распространение религиозной литературы.

Возрастание конфликтности в крымскотатарском сегменте населения Крыма стало четко фиксироваться реакцией крымских татар на присутствие национальных и духовных лидеров в моменты разрешения каких-либо конфликтных ситуаций.

Показательными в этом отношении можно считать события июля 2005 г. в евпаторийском микрорайоне Исмаил-бей, где на собрании мусульман было выражено недоверие рядовых представителей крымскотатарского народа к его руководящим структурам в Милли Меджлисе.

Авторы некоторых публикаций в крымскотатарских средствах массовой информации говорят об отсутствии какой-либо управляемости акциями, которые можно отнести к внутризтноконфессиональным.

Такого рода заявление вырвалось и у Муфтия мусульман Крыма Аджид-Эмиралы Аблаева в упомянутом выше телеинтервью 3 августа 2005 г. Косвенно стихийность протестных акций в среде крымских татар подтверждается и поведением их участников. Так обитатели палаточного городка у здания Совета министров АРК, организованного в двадцатых числах июля нынешнего года в связи с требованиями о выделении земель для жителей Алушты, крайне недружелюбно встретили попытку контакта с ними со стороны лидера Милли Меджлиса. 28 июля 2005 г. Мустафа Джемилев попытался выступить перед пикетчиками, но под негодующие крики о бездеятельности Меджлиса он вынужденно покинул площадь.

В целом для социокультурной конфликтности в Крыму характерна высокая степень спорадичности. Вместе с тем, динамика межэтноконфессиональной конфликтности имеет на полуострове постоянно более высокий уровень проявлений, по сравнению с другими её видами. Количество проявлений межэтноконфессиональной конфликтности в течение анализируемого шестилетия неизменно увеличивалось и только в 2005 г. оказалось несколько меньшим, чем социально-экономической. Причем, межэтноконфессиональная конфликтность возрастает в Крыму к концу лета в начале осени, то есть в такое время, когда потенциальными участниками конфликтов уже заработаны дивиденды от летнего курортного сезона. Социально-экономическая конфликтность более равномерно распределяется во времени в течение анализируемого шестилетия. Её затухание в осенне-зимний период выглядит как компенсаторная реакция на рост межэтноконфессиональной конфликтности в этот сезон.

Развитие внутризтноконфессиональной конфликтности, зафиксированной в Крыму только в 2005 г., также демонстрирует спорадичность. В будущем она может приобрести стихийный характер, представляя угрозу стабильности как в Автономной Республике Крым, так и в Украине в целом.

Социально-экономические конфликты 2005 г. были традиционно сосредоточены в полосе южнобережных регионов с тенденцией разрастания в юго-восточном направлении.

Впервые лидером социально-экономической конфликтности стала территория Феодосийского горсовета, где конфликты, зафиксированные авторами, были связаны с самозахватами земель в бухтах Тихой и Капсель.

В 2005 г. появились первые человеческие жертвы самозахватов. В мае 2005 г. был убит житель с.Васильевка Ялтинского горсовета, пытавшийся воспрепятствовать захвату земель группой крымских татар.

Достаточно широка в 2005 г. география проявлений межэтноконфессиональной конфликтности. Лиде-

рами в этом виде конфликтности стали Симферопольский район и территория Алуштинского горсовета. По одной конфликтной ситуации отмечено в Судакском горсовете, городах Евпатория и Армянск. В последнем межэтноконфессиональная конфликтность зафиксирована впервые за указанный период и была связана с болезненной темой установки православного поклонного креста представителями казачьей общины города.

В 2005 г. в Крыму по-прежнему сохранялась проблема возврата крымскотатарскому населению объектов культурно-исторического наследия. Не прекращались акты вандализма, связанные с осквернением памятных знаков репатриантов и мусульманских кладбищ. Кладбищенский вандализм достиг ранее свободной от этого явления отдаленной территории пгтЧерноморское и с.Яркое Сакского района.

Все меньше в Крыму остается территорий, свободных от проявлений социокультурной конфликтности. Все интенсивней её варианты в предгорных и прибрежных регионах Крыма. В последние шесть лет в Крыму сформировался ареал устойчивой конфликтности. Он протянулся от Симферополя через Бахчисарай, Ялту, Алушту, Судак, Феодосию, Кировское, Белогорск. Формирование этого ареала связано с процессом внутренней миграции крымскотатарского населения, вернувшегося в Крым после депортации. Основная причина усиления миграционной подвижности крымских татар – экономическая. В Крыму стихийно формируется рынок земли. Крымскотатарский сегмент этого рынка сегодня не занят, а экономическая притягательность южнобережных земель слишком велика. В среде крымских татар по-прежнему высок потенциал «исторической обиды» на тех, кто лишил их возможности жить и владеть этой землей. Чаще всего эта обида проявляется в различных формах самозахватов земли, имущества, продукции предприятий, расположенных на привлекательных территориях.

Наиболее опасной причиной конфликтов в Крыму является религиозный фактор. Практически повсеместно в пределах автономии уровень межэтноконфессиональной конфликтности превосходил в течение последнего шестилетия аналогичный показатель социально-экономической конфликтности. Это связано с процессом политизации религии и воздействием на нее внешних сил, к примеру, присутствием в мусульманской общине Крыма иностранных миссионеров. Политизировано в Крыму православие, расколотое на приходы Московского и Киевского патриархатов. Подвергся влиянию радикальных толков крымский ислам. Муфтият Крыма отказался от диалога с лидерами религиозных общин, симпатизирующих радикальному исламу и решил ограничивать его влияние силовыми методами.

Помимо религиозного фактора, причинами конфликтов в Крыму становятся амбициозные устремления политической, экономической и религиозной элит автономии, желающих взять под свой контроль наиболее выгодные сферы деятельности.

Обострение социокультурной конфликтности в Крыму крайне негативно влияет на проведение курортных сезонов, способствует распространению сепаратистских настроений среди пророссийски ориентированных граждан и крымских татар, стремящихся воссоздать крымскотатарскую государственность в пределах полуострова.

Представляется неверным отношение к социокультурной конфликтности, как явлению преодолимому. Это явление анализируемое, управляемое, корректируемое, но не искореняемое, поскольку его возникновение связано с различными стратегиями охраны этнических и конфессиональных ценностей. Кроме того, постсоветское общество вступило в такую фазу своего развития, когда сознательное раздувание межэтнических и межконфессиональных противоречий стало одним из важнейших политических средств в борьбе различных социальных групп за власть, экономическое влияние и культурное господство.

Источники и литература

1. Ильин В. В., Ахизер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 304 с.
2. Гладкий И. Ю., Гладкий Ю. Н. Географические подходы к исследованию этнических кризисов. // Изв. Русского геогр. об-ва. – 1995. – Т. 127. – Вып. 1. – С. 28–33.
3. Дергачев В. А. Евразийские рубежи войны и мира. – Одесса: Судходство, 1996. – С. 10–20.
4. Дергачев В. А. Раскаленные рубежи. – Одесса: Астропринт, 1998. – С. 8.
5. Конфліктологія / За ред. Л.М. Герасіної та М.І. Панова. – Харків: Право. – 2002. – С.180–181.
6. Айдынгюн Исмаил Крымские татары: конфликт или стабильные отношения между русскими жителями полуострова и украинцами? // Россия и мусульманский мир. – 2005. – №3 (153). С.62 – 70.
7. Григорьянц В.Э., Ишин А.В., Шевчук А.Г. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АРК. – Симферополь: Крымский Архив. – 2004. – 52 с.
8. Ишин А.В., Шевчук А.Г. Православие и ислам в Крыму: проблемы взаимодействия // Пилигримы Крыма. /Сб. науч. статей и материалов. Вып.2 (7). Новая и новейшая история Крыма. – Симферополь: Крымский Архив. – 2003. – С. 269–272.
9. Киселева Н.В. Поиски справедливости могут завести в тупик /«Крымское время». – № 38 (2128). – 2005. – 7 апреля. – С. 6.
10. Финогеев Б.Л., Мельник С.В. и др. Внутрорегиональные перемещения крымских татар в аспекте занятости и повышения качества жизни. – Луганск: НИИ СТО, 2004. – 59 с.